

Словенцы в России: Павел Голиа (1914–1917 гг.)

Начало XX века стало временем великих потрясений. Его события по-разному отразились на судьбах многих словенцев. Одни испытали тяготы военного лихолетья дома, другие волею судьбы оказались оторванными от родных мест и буквально заброшенными за тысячи километров с тем, чтобы, пройдя фронт, военный плен (вынужденный или выбранный сознательно), вернуться домой с новыми впечатлениями, опытом и стремлением использовать его на благо своего народа.

У каждого из них была своя судьба, своя история пребывания в России и свой нелегкий путь возвращения на родину. Среди известных словенцев этой эпохи можно назвать критика и переводчика Йосипа Видмара, писателя Франце Бевка. Сюда же можно отнести и Янко Лаврина, который учился в России, а в период Первой мировой войны работал корреспондентом на Балканах и в 1916 г. выпустил книгу очерков «В стране вечной войны (Албанские эскизы)». Но он покинул Россию накануне революции.

Интересна и история журналиста Франца Зупанчича (1884–1946), который был призван в армию в июне 1914 г., воевал в Галиции, в августе 1917 г., находясь в Румынии, попал в русский плен и в конце сентября оказался в городке Инсар (тогда входившем в состав Пензенской губернии). Благодаря записям из его дневника, который он вел от первого до последнего дня пребывания в армии, российская исследовательница и переводчица из Санкт-Петербурга М.Л. Бершадская постаралась воссоздать наиболее яркие события его жизни в этот период¹. Подводя итог всем трудностям жизни в плену, Зупанчич напишет в своем дневнике: «Мы живы, и это главное». Здесь же в плену он внимательно следил за известиями с полей сра-

жений, за международной обстановкой, за разворачивающимися в России событиями. В декабре 1917 г. (еще находясь в плену) Зупанчич запишет в дневнике: «Ленин хочет погубить Россию»². Но это взгляд издалека, отстраненно. В революционную Москву и на короткое время он попал уже в 1918 г.

2 августа 1918 г., не дожидаясь официального на то решения, Ф. Зупанчич и его друг, словенский учитель Иван Черней, переодевшись в штатское и обзаведясь фальшивыми документами, покидают Инсар, надеясь, что из Москвы им будет легче вернуться на родину. Однако для начала они решают поехать в Ясную Поляну, чтобы посетить могилу Л. Н. Толстого. И это решение не было спонтанным: об отношении к русскому писателю и его творчеству свидетельствует сохранившееся небольшое зупанчичевское эссе «Граф Лев Николаевич Толстой. Биография. Произведения». Записанное в ученической тетрадке, купленной в книжном магазине инсарской библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, оно было датировано 4–7 июля 1918 г. Благополучно, несмотря на огромные трудности, добравшись до Ясной Поляны, друзья встретились здесь с Софьей Андреевной, а также личным врачом Л.Н. Толстого Душаном Маковицким, который пригласил нежданных гостей переночевать в своей комнате. После возвращения домой Ф. Зупанчич опубликовал в 1927 г. в одном из словенских журналов очерк «В доме и на могиле Л.Н. Толстого», а его дневники с записями о событиях тех лет были изданы в 1998 г. его внучкой Ясминой Погачник³.

Не менее примечательна судьба другого словенца, который также в эти годы оказался в России и Москве. Павел Голиа (1887–1959) — словенский поэт, драматург, переводчик. В течение длительного периода (1919–1943 гг.) он занимал пост директора словенского Национального театра — Люблянкой Драмы, подняв его на европейский уровень в отношении и актерского мастерства, и репертуара. В 1953 г. П. Голиа был избран действительным членом Словенской академии наук и искусств. Он был не только известным поэтом, автором нескольких поэтических сборников⁴, отмеченных влиянием Словенской модерны, но и признанным отцом словенской детской

драматургии: его пьесы: «Сказка Триглава» («Triglavska bajka»), «Принцесса и пастушок» («Princeska in pastirček»), «Снегурочка» («Sneguljčica») и др. — многие годы с успехом шли на сценах словенских театров.

Павел Голиа родился в 1887 г. в г. Требне словенской провинции Нижняя Крайна. После окончания школы и последующей учебы в гимназии он выбрал для себя военную стезю, окончил кадетскую школу в Карловце и в 1907 г. поступил на военную службу, оказавшись сначала в Триесте, а позже, в 1913 г., в Любляне в 17-м пехотном полку, откуда в 1914 г. был послан на Русский фронт в Галицию. Здесь, осенью того же года, он впервые попытался перейти на сторону русских, но безуспешно.

Через год, в 1915 г., капитан австрийской армии П. Голиа вместе с ротой, которой он командовал, добровольно сдается в плен и до конца 1915 г. оказывается в лагере для военнопленных. В 1916 г. он поступает в штаб Первой дивизии Первого сербского добровольческого корпуса в Одессе и активно занимается агитацией среди пленных словенцев, хорватов и сербов за вступление в ряды русской армии. В 1917 г. Голиа участвует в боях, получает ранение в Добрудже, а после выздоровления в апреле того же года в числе 20 офицеров, среди которых были словенцы и хорваты, недовольные духом, царившим в корпусе, покидает его и вступает в ряды 6-го полка русских стрелков.

Известие о победе Октябрьской революции застаёт молодого офицера в Киеве, городе, ставшем центром Югославянского революционного союза, который летом 1917 г. насчитывал около 20 000 членов. П. Голиа, как и многие его земляки, попавшие в Россию в результате войны, с воодушевлением встретил это событие. Свидетельством тому стала его речь, произнесенная (на русском языке) на митинге представителей народов Австро-Венгрии, который проходил 12 декабря 1917 г. в помещении киевского цирка. Митинг собрал около пяти тысяч человек разных национальностей: чехов, словаков, хорватов, словенцев, сербов, поляков, украинцев и румын. Здесь же присутствовали посланники и военные атташе многих стран, аккредитованные в России.

Выдвинутый своими боевыми товарищами как высокопрофессиональный военный и авторитетный командир, П. Голиа произнес речь от имени всех югославянских народов, главной идеей которой стало провозглашение права любого народа на свободу и самоопределение. В своем выступлении он также озвучил чаяния словенцев по поводу будущих мирных переговоров, призванных определить и судьбы Триеста, Горицы, Риеки и Истрии, чем вызвал не только бурные аплодисменты своих соратников, но и открытое недовольство присутствовавших на митинге королевского посланника и военного атташе Сербии, демонстративно покинувших зал. Заключительным аккордом пламенной речи Голиа стали слова поддержки благородных принципов русской революции⁵.

После пребывания в Киеве и непродолжительного в Одессе П. Голиа в начале 1918 г. оказывается в Москве, где он пробыл до конца года, и уже в январе 1919 г. вернулся домой. В Москве он сближается с представителями революционно настроенной югославской интеллигенции и становится членом Югославянской коммунистической группы при РКП(б) и переводчиком при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР.

Одним из направлений деятельности вышеназванной группы было издание переводов книг и брошюр (главным образом, революционного содержания) на языки народов Югославии⁶. Кроме того, П. Голиа принимал самое активное участие в переводе статей и подготовке к изданию печатного органа группы — газеты «Всемирная революция». В 34-м номере газеты за 1918 г. было впервые опубликовано его известное стихотворение «Песнь полей», заканчивавшееся символическим приветствием в адрес русской революции, давшей импульс к преобразованиям другим народам («Iztok je dal signal» — «Восток подал сигнал»).

Эта сторона деятельности П. Голиа достаточно хорошо известна: об этом писали Ф. Калан и Ф. Клопчич⁷; упоминания о П. Голиа есть и в воспоминаниях Ц. Цирмана в книге «Югославыне в Октябре»⁸ и других работах словенских и российских исследователей, в частности, М.Л. Бершадской⁹. В них также

выделена другая сторона деятельности словенского поэта в этот период — его работа в качестве журналиста и исследователя театра.

И. Графенауэр, автор статьи, посвященной П. Голиа в «Словенском биографическом лексиконе», лишь упоминает об этой работе¹⁰. Более развернутую информацию находим в послесловии Ф. Калана к сборнику «Избранных стихов» П. Голиа: «Там (в Москве. — Т. Ч.) он занимается журналистикой и — с особым интересом — театром. В Московский Художественный театр его ввел литовско-русский поэт Юргис Казимирович Балтрушайтис, и он имел возможность постоянно присутствовать на всех спектаклях и репетициях»¹¹.

Однако об этой стороне, несомненно, творческих интересов и связей П. Голиа известно гораздо меньше. И здесь на помощь исследователю приходят самые разные источники: материалы прессы, документы из его личного архива в рукописном отделе Национальной университетской библиотеки в Любляне (NUK), а также документы, связанные с жизнью и творчеством Юргиса Балтрушайтиса (1873—1943) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и материалы из Архива Музея МХАТ в Москве. Все они были обнаружены нами в результате разнонаправленных поисков в России и Словении.

О своих отношениях с Ю. Балтрушайтисом, поэтом, представителем раннего символизма, П. Голиа говорил сам — в интервью для газеты «Люблянский дневник» («Ljubljanski dnevnik») в 1951 г. Отвечая на вопросы журналиста Божидара Борко о влиянии на него русской литературы, писатель вспоминал:

«В 1915 г. военный вихрь забросил меня в Россию, и здесь я остался вплоть до конца 1918 г. ... Когда война занесла меня в Россию, я оказался в мире, который уже хорошо знал из книг. Я был вынужден учить язык, и это шло у меня легко, а ударение я, например, отработывал, читая вслух стихи Пушкина или Лермонтова. В 1918 г. в Москве мы собирались у поэта, родом из Литвы, Юрия Балтрушайтиса. Туда приходили Бальмонт, Андрей Белый и др. Я посещал многочисленные литературные вечера, слушал Маяковского, декламировавшего свои напористые стихи»¹².

В этом интервью П. Голия не касается истории своего знакомства с литовским поэтом, хотя их дружба не прекратилась с отъездом словенского деятеля домой. Об этом свидетельствует сохранившееся письмо Ю. Балтрушайтиса к П. Голия от 18 декабря 1923 г. К тому времени прошло уже более года, как Балтрушайтис стал чрезвычайным послом и полномочным министром Литвы в Советской России. В своем послании он, обращаясь к другу «Дорогой Павел», просит его принять и помочь писателю из России Елпатьевскому¹³. С присущей ему доброжелательностью Ю. Балтрушайтис характеризует его:

«Сверстник Чехова и других великих, а, главное, чудесный человек и душа, давно и глубоко мною уважаемая и чтимая. Прими его, как принял бы меня самого. Познакомь его со всеми, кто мог бы заинтересовать его...».

И добавляет:

«О себе напишу как-нибудь на досуге. О тебе слышал только от артистов Художественного театра.

Надеюсь, ты много написал за минувшие годы и твоя песня крепко знакома всей Югославии.

С братским приветом твой Ю. Балтрушайтис»¹⁴.

К сожалению, пока не удалось выявить документального подтверждения тому, как, где и благодаря кому познакомились эти два выдающихся человека, два поэта. Произошло ли это уже в Москве в 1918 г., или ранее, в период, когда П. Голия переезжал из Киева в Яссы, а затем в Москву. Бóльшая часть личного архива Ю. Балтрушайтиса находится в Париже и пока не доступна для исследователей в полном объеме¹⁵. Однако можно сделать некоторые предположения.

С одной стороны, связующим звеном мог оказаться словенец Янко Лаврин (1887–1986), долгое время живший и работавший в России в качестве корреспондента российских газет и лично знакомый с известным литовским поэтом¹⁶. Знакомство П. Голия и Ю. Балтрушайтиса могло состояться также благодаря хорватскому писателю и драматургу Йосипу Косору (1879–1961), который в 1916–1917 гг. в течение девяти месяцев, вплоть до своего возвращения на родину, жил в России. В этот период Й. Косор побывал в Одессе и Киеве, в Петрограде встречался

с М. Горьким, в Москве — с К.С. Станиславским. Встреча с последним и предшествующие ей события достаточно хорошо отражены документально и свидетельствуют о тесном знакомстве Й. Косора с Ю. Балтрушайтисом. Возможно, их первое знакомство произошло еще в Одессе в 1915 г. И здесь же в конце 1915 — начале 1916 гг. П. Голия мог встретиться с Й. Косором¹⁷ и познакомиться с Ю. Балтрушайтисом.

Знакомство П. Голия и Ю. Балтрушайтиса могло произойти и позже, уже в Москве, в результате их деловых контактов. П. Голия, как член югославянской группы и переводчик при Народном комиссариате по делам национальностей, вполне вероятно, мог познакомиться с Ю. Балтрушайтисом как руководителем Репертуарной секции Театрального отдела (ТЕО) при Народном комиссариате просвещения (образованного весной 1918 г. после переезда советского правительства в Москву). Во всяком случае, упоминания словенских ученых об огромном интересе П. Голия к московским театрам и их репертуару опосредованно, но подтверждают это.

Знакомство с Ю. Балтрушайтисом, несомненно, помогало молодому словенцу не только ощутить атмосферу литературной Москвы (литературных вечеров, встреч, дискуссий о новых направлениях и тенденциях в литературе и искусстве), но и узнать многое о развитии самого театрального дела¹⁸. А беседы с Ю. Балтрушайтисом, посвященные созданию нового репертуара нового театра новой России, не могли не давать ему пищу для размышлений о будущей работе на этом поприще.

В начале 1919 г. П. Голия, наконец, получает долгожданное разрешение и возвращается в Люблянчу через Киев, Одессу, Стамбул и Дубровник. О стремлении молодого человека вернуться на родину свидетельствует одно из писем (от 7 октября 1918 г.), сохранившееся в личном архиве П. Голия. Оно написано по-немецки и адресовано матери и сестрам. Из этого послания можно узнать многое: и пункты его передвижения по России, и то, что он, любящий сын и брат, старался не описывать картины тяжелого послереволюционного времени, а всё внимание близких людей сосредоточил на мысли о своем скором возвращении на родину:

«...Я полагаю, что великое испытание подошло к концу и близок час, который принесет мир народам, тебе же, дорогая мама, вернет потерянного сына. Как бы я хотел оказаться подле вас, но вы вряд ли можете себе представить, с какими трудностями это сопряжено. И всё-таки я твердо верю, что если не твои именины..., то Рождество мы уже будем праздновать вместе.

Я прилагаю к письму фотографию и хочу вскоре прислать еще и лучшего качества...»¹⁹.

В заключительных строках письма особенно остро звучит ностальгия по родине, в них, как в капле воды, отражены, пожалуй, главные черты словенского национального характера:

«...Наше групповое фото я храню вместе со снимками, на которых мама и Адольф, Густав, а также Кирила. Они — вместе с шерстяной фуфайкой и ликом мадонны — подарком Кирилы, — всё, что осталось у меня дорогого в память о вас и о родине и что я постоянно ношу с собой. Всё другое пропало...»²⁰.

Вернувшись в Любляну, П. Голиа начинает работать (сначала как руководитель литературной частью Словенского национального театра), пишет стихи, пьесы для детей, переводит пьесы (в том числе, русских писателей: Л.Н. Толстого «Живой труп», М. Горького «На дне» и др.) для постановки на сцене, а затем становится директором этого театра вплоть до вынужденного (под давлением оккупационных властей) выхода на пенсию в 1943 г.²¹. После окончания войны, в 1945–1946 гг., он вновь становится директором Люблянской Драмы. Как уже отмечалось, его заслуги перед национальной литературой и культурой были высоко оценены.

* * *

Пребывание П. Голиа в России (1914–1918 гг.), на первый взгляд, представляет собой лишь факт биографии, небольшой отрезок жизни словенского писателя. Однако, на наш взгляд, он явился весьма значительным событием, повлиявшим на его последующую творческую жизнь. Нельзя не согласиться с М.Л. Бершадской, что «пребывание в Москве определило не только идейную ориентацию Голиа, но и его подлинное при-

звание; именно в Москве Голиа страстно полюбил театр, с которым впоследствии оказалась связанной вся его жизнь»²².

Долгое время в словенской науке объемная тема «Словенцы в России в начале XX в.» изучалась в большей степени с усиленным вниманием к тому, насколько положительно была принята Октябрьская революция и последующие изменения в России теми, кто волею судьбы стали их свидетелями. Этому во многом посвящены материалы сборников, изданных в Словении во второй половине 60-х годов XX в.²³.

Но за прошедший период выявлено и издано много новых эго-документов (воспоминаний, дневников и т. д.) бывших военнопленных, людей, по разным причинам оказавшихся в России. И эта работа продолжается благодаря усилиям ученых разных, в том числе и славянских, стран. И поскольку новые публикации, как правило, свободны от идеологических ограничений, уверена, что результаты подобных исследований помогут ответить на многие новые вопросы, создать более полную картину происходящего в те, без сомнения, судьбоносные для России годы.

Примечания

¹ Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого // Российская газета. 03.12.2015 (режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/03/12/tolstoi.html>) (дата обращения: 16.03.2016 г.).

² Там же.

³ Вот одна из них: «В дороге мы очень много говорили о писателе, о нашем желании поклониться его праху, а сейчас молча сидим на скамейке рядом с его могилой, вынули из карманов блокноты, пишем и молчим. Снова подходим к могиле и снова молчим... Нам кажется, что эти минуты дарованы нам как необычайно щедрое вознаграждение за все мучения, которые мы пережили во время войны» («Дневник», 06.08.1918). Уходя, Ф. Зупанчич взял на память две маргаритки и веточку папоротника из скромного венка, лежавшего на могиле, которая бережно хранилась в его семье. См.: Бершадская М.Л. Веточка с могилы Льва Толстого.

⁴ Pesmi o zlatolaskah. Ljubljana, 1921; Večerna pesmarica. Ljubljana, 1921; Izbrane pesmi / Uredil F. Kalan. Ljubljana, 1951.

⁵ Впервые текст речи П. Голиа, «словенца из Крайны», на так называемом «Митинге народов» в переводе на словенский язык был опубликован в работе Ф. Клопчича «Павел Голиа в России в период революции». Словенский исследователь собрал данные из разных источников, касающиеся биографии и общественно-политической деятельности П. Голиа в России и Москве, ввел в научный оборот документы, относящиеся к этому периоду. См.: Klopčič F. Pavel Golia v Rusiji med revolucijo // Sodobnost. L. 15. Ljubljana, 1967. Št. 6. S. 620–631.

⁶ Всего в период с 1918 по 1921 г. было издано 43 книги и брошюры на языках югославянских народов, из них 11 — на словенском языке. В 1918 г. на словенском языке вышли три книги: К. Либкнехта, К. Цеткин и Б. Куна. — *Ibid.* S. 630.

⁷ *Kalan F. Podatki o pesniku // Golia P. Izbrane pesmi. Ljubljana, 1951. S. 198–200; Klopičič F. Pavel Golia v Rusiji med revolucijo. S. 620–631.*

⁸ *Cirman C. V sekretariatu jugoslovanske komunistične skupine v Moskvi // Jugoslovani v Oktobru. Zbornik spominov udeležencev Oktobarske revolucije in Državljanske vojne v Rusiji (1917–1920). Ljubljana, 1969. S. 602–606.*

⁹ *Бершадская М.Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Ленинград, 1986. С. 198–215.*

¹⁰ *Grafenauer I. Golia Pavel // Slovenski biografski leksikon / Ur. Iz. Cankar, F.K. Lukman. Knj. 1. Ljubljana, 1925–1932. S. 228.*

¹¹ *Kalan F. Podatki o pesniku. S. 199.*

¹² Narodna in universitetska knjižnica (NUK). Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Intervjui. Ms 79. S. 3.

¹³ Речь идет о Сергее Яковлевиче Елпатьевском (1854–1933), русском писателе, публицисте, авторе книг очерков и воспоминаний о крупнейших русских писателях XIX — начала XX вв.: М. Горьком, А.П. Чехове, Л.Н. Толстом и др.

¹⁴ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Korespondenca. Br. 13/73.

¹⁵ Следует отметить, что часть личной переписки Ю. Балтрушайтиса издана в 2015 г., остальные материалы находятся в процессе подготовки к изданию. См.: *Jurgis Baltrušaitis. Laiškai "Rašau tik tai, kas yra mano gili vidinė būtinybė". Vilnius, 2015.*

¹⁶ О знакомстве Я. Лаврина с П. Голиа есть немало свидетельств. Так, в частности, в письме Я. Лаврина Осипу Шесту из Ноттингена (от 22 января 1937 г.), посвященном вопросу оплаты его статьи о югославском театре, есть выразительная приписка в конце: «Прошу передать привет П. Голиа». См.: *Lavrin J. Pisma v domovino / Ur. D. Moravec. Ljubljana, 2004. S. 74.*

¹⁷ Косвенным свидетельством тому, что П. Голиа и Й. Косор были знакомы, вполне может служить и тот факт, что оба они сотрудничали в издании «Славянский юг» («Slavenski jug»), которое выходило в Одессе в этот период.

¹⁸ Известно, что П. Голиа выступал и в качестве театрального репортера, писавшего краткие заметки о самых разных постановках в московских театрах в то время. Однако нам не удалось выявить эти публикации, поскольку большинство подобных текстов печатались в те годы без подписи или только с инициалами (часто вымышленными).

¹⁹ NUK. Ljubljana. Rokopisni oddelek. F. P. Golia. Korespondenca. Br. 8/88.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ В 1923–1925 гг. П. Голиа работает также руководителем драматического театра в Осиеке и в 1925 г. — Национального театра в Белграде. См.: *Slovenski biografski leksikon. Knj. 1. S. 228.*

²² *Бершадская М.Л. Словенский театр 1918–1941 гг. и русская литература. С. 192.*

²³ *Oktobarska revolucija in slovenska literatura. Murska Sobota, 1968; Jugoslovani v Oktobru. Zbornik spominov udeležencev Oktobarske revolucije in Državljanske vojne v Rusiji (1917–1920). Ljubljana, 1969 и др.*